

Журнал "Крестьянка"

№10, октябрь 1990

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 64
ББК 37.279
Ж92

Ж92 Журнал "Крестьянка": №10, октябрь 1990 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 48 с.

ISBN 978-5-458-45463-6

"Крестьянка" - это журнал, известный каждой женщине в Советском Союзе. "Крестьянка" и "Работница" два журнала про женщин и все, что их волнует: красота, здоровье, работа и карьерный рост, культура, психологическая помощь, решение проблем в доме и в семье. Среди авторов журнала в разные годы были А. В. Луначарский, Демьян Бедный, М. Горький, А. С. Серафимович, А. Т. Твардовский и многие другие известные писатели. Журнал был также известен тем, что имел собственную сеть корреспондентов из народа (селькоров). Первый номер вышел в июне 1922 году, тиражом в пять тысяч экземпляров, а в 1973 году - 6 миллионов 300 тысяч. Журнал также продавался в Германии и Испании.

ISBN 978-5-458-45463-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НАС ЗАЩИЩАЮ

дые» пенсионеры, ушедшие на пенсию не более пяти лет назад, 10 рублей — те, чей пенсионный стаж от 5 до 10 лет, 15 — от 10 до 15 лет, 20 рублей — от 15 до 20 лет, 30 рублей — при стаже от 20 до 25 лет. Прибавка в 40 рублей полагается тем, кто ушел на пенсию 25 и более лет назад.

— Мария Матвеевна, а с чем связано позапасное вступление закона в жизнь?

— Напомню, что в целом закон затрагивает интересы почти 61 миллиона человек. На его реализацию выделено более 47 миллиардов рублей. Сегодня таких денег у государства нет, потребуется время, чтобы накопить эти средства. Но деньги сами по себе мало что значат, если они не обеспечены товарами, продуктами, услугами, причем по доступной для пенсионеров цене. А это напрямую связано с оздоровлением нашей экономики.

— Учитывает ли закон изменение ситуации в связи с переходом к рынку? Ведь для многих пенсия — единственный источник существования...

— В новом законодательстве, на мой взгляд, заложен достаточно гибкий механизм социальной защиты пенсионеров. Повышение их пенсий поставлено в зависимость от роста заработной платы в народном хозяйстве и уровня розничных цен, но не менее чем на 2 процента в год.

— Останется ли прежним порядок начисления персональных пенсий? Многие наши читатели полагают, что их дают скорее за должности, чем по заслугам...

— Персональные пенсии в прежнем виде утратили свое значение. Теперь это пенсии за особые заслуги перед государством, за научные открытия, за вклад в науку или в народное образование. Присуждение их должно быть гласным, широко обсуждаться в коллективе. По положению, утвержденному Верховным Советом СССР, коллективам дано право самостоятельно решать подобные вопросы. Пенсия за особые заслуги будет несколько больше, чем обычная, но она не будет давать дополнительных льгот.

Страна неуклонно движется к рынку. Переходный процесс скорее всего будет небезболезненным. Тот, кто в состоянии трудиться и неленив, вполне может рассчитывать на свои силы. А дети, старики, одинокие, пожилые люди?..

Правительство планомерно, шаг за шагом предпринимает меры, направленные на укрепление социальной защиты семей с детьми, тех, кто вольно или невольно попадет в число малообеспеченных. Достаточны ли эти меры?

Мы обратились к заместителю председателя Госкомтруда СССР Людмиле Федоровне БЕЗЛЕПКИНОЙ с просьбой прокомментировать постановление Совета Министров СССР о дополнительных мерах по социальному защите семей с детьми в связи с переходом к регулируемой рыночной экономике, принятое 2 августа 1990 года. Вот что она рассказала:

— Это постановление очень своевременное. Все существующие меры поддержки семьи давно утратили свою значимость. Сейчас же вводится единая система помощи, в основе которой — минимальная заработка на плата (пока она 70 рублей). При переходе к рынку неминуемо произойдет изменение уровня минимальной зарплаты, она вырастет. Автоматически в равных пропорциях будут увеличиваться и пособия семьям.

С 1 декабря нынешнего года каждая семья, в которой рождается ребенок, независимо от ее доходов получит единовременное пособие в трехкратном размере минимальной зарплаты — 210 рублей (вместо нынешних 50). Семья, где доход на каждого не превышает двух минимумов, то есть 140 рублей, будет получать ежемесячно пособие на каждого ребенка от полутора до шести лет в размере половины минимальной зарплаты — 35 рублей.

Увеличивается и ежемесячное пособие одиноким матерям на каждого ребенка с 20 до 35 рублей. Неполная семья дополнительного, сверх других выплат на каждого ребенка, получит компенсацию за отсутствие второго кормильца и тоже в размере ежемесячной минимальной зарплаты. И, наконец, более защищенной будет чувствовать себя молодая мать, если мужа призовут в армию. На ребенка до полутора лет она будет получать 70 рублей пособия и столько же за отца, пока он на службе. Итого — 140 рублей ежемесячно. Если в семье есть другие дети до шести лет, то на каждого из них мать будет получать пособие в размере половины минимальной зарплаты, то есть по 35 рублей в месяц.

Почему за верхний предел нового пособия для детей взят возраст шесть лет? Разрабатывая меры социальной защиты с участием экономистов, социологов, демографов, правительство исходило из того, что ребенок, как правило, рождается в молодой семье. Родители только начинают работать или еще учатся. Семейный бюджет — две небольшие зарплаты — существенно страдает с появлением ребенка и связанных с ним хлопот. Затем молодая мать уходит в длительный отпуск по уходу, значит, теряется один заработок и семья автоматически попадает в число малообеспеченных.

Именно поэтому, на наш взгляд, молодая семья более других нуждается в защите. За шесть лет, пока малыш подрастает и готовится к школе, положение в семье меняется. Родители, как правило, повышают свою квалификацию, заканчивают учебу, начинают большие зарабатывать. То есть прочнее встают на ноги и могут сами, в соответствии со своими новыми возможностями, лучше заботиться о детях. Кстати, если в семье за это время появились другие дети, все они пользуются льготами по возрасту, это тоже дает некоторое смягчение бюджета.

В стране сейчас более 80 процентов семей имеют одного-двоих детей. Среднестатистическая семья — двое работающих родителей и двое детей — получает ныне пособий в размере 2500 рублей в год. При новой системе выплат она будет иметь 7400 рублей дополнительно к семейному бюджету. Сюда входят: оплата пособия по беременности и родам, ежемесячное пособие по уходу за ребенком и единовременное пособие при рождении ребенка. Всего же государство будет оказывать помощь семье с детьми на сумму около 20 миллиардов рублей.

Беседы записала
Н. ПРОТООРСКАЯ.

Продовольственное отделение

НОВОСЕЛЬЕ

Вместо конторы — амбулатория

Недавно приехал в колхоз имени Калинина (Пригородный район Северо-Осетинской АССР). И был приятно удивлен: руководители хозяйства передали прекрасное здание конторы под сельскую амбулаторию. Теперь каждый врач имеет отдельный кабинет, появилась возможность проводить процедуры, о которых здесь раньше и не слышали: физиотерапию, лечебный массаж. В будущем предполагается и грязелечебница, развертывается служба «Скорой помощи». А деньги на все выделяет колхоз.

В. СКУРАТОВ, г. Орджоникидзе.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

День рождения «Пике»

Внимание: новый журнал для женщин — «Пике». Так называют чуваши скромную, трудолюбивую, красивую девушку. Не правда ли, удачное название для женского журнала? Чувашский Общественно-культурный центр помог возродить это издание, когда-то выходившее в республике. Какие проблемы у женщин Чувашии? Такие же, как у женщин всей нашей мно-

гонациональной страны, поэтому редакция во главе с известной чувашской поэтессой Раисой Сарби приглашает сотрудничать всех, кому небезразличны заботы и надежды женщин, и ждет материалов, писем и предложений по адресу:

428000, г. Чебоксары, проспект Ленина, 4, редакция журнала «Пике».

Я К ВАМ С РАДОСТЬЮ

И вдруг узнала, что женился

Мне было 13 лет, когда умерла мама. Четырехлетний братик Алеша и двухлетняя сестренка Лариса остались с папой, а я уехала к бабушке в Новокузнецк. Стала там учиться. И вдруг узнаю, что наш папа женился снова. Ее зовут тетя Ира. Я не спала всю ночь, переживала. Слово «мачеха» приводило меня в ужас. Потом получила от нее письмо. И проплакала над ним, как маленькая. Оно было таким добрым!

И вот мы с бабушкой дома, в городе Мерке. Просто не передать, какая чудесная атмосфера царила там! Малыши звали тетю Иру мамой, и для меня она теперь мама. Невозможно иначе называть женщину, от которой исходит столько материнского тепла и любви...

Галина АБИЖАНОВА, Джамбулская область.

ПО ВАШИМ ПИСЬМАМ МЕРЫ ПРИНЯТЫ!

«Черный ход» закрыт

«Наш магазин № 14 обслуживает инвалидов, ветеранов войны и труда. И что же вы думаете? Продуктов всегда не хватает. И не потому, что их нет, а потому, что заведующая часть продовольственных товаров продает с «черного хода». Продавец магазина — удивительно грубая женщина. Старые больные люди боятся лишний раз спросить у нее, что есть в продаже. Каждый поход в магазин — сплошная нервотрепка. Помогите нам, пожалуйста.

Елена Степановна ИВАНОВА, жена ветерана, Иркутская область, Черемховский район».

Начальник управления торговли Иркутского облисполкома А. А. Третьяков сообщил нам, что по письму Е. С. Ивановой проведено служебное расследование администрацией ОРСа «Востсибэлемент», к которому относится магазин № 14. Факты подтвердились. Заведующая магазином Т. И. Карпова и продавец Л. А. Забровская за нарушение правил торговли освобождены от занимаемых должностей.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Кому нужны Тоскую детские вещи?

Служба в армии, получил тяжелую травму. Не буду рассказывать, как постепенно меня оставили все — жена, дети. Женился снова, она тоже инвалид. Главное, что гнетет страх остаться не у дел, никому не нужными. И вот мы с женой купили вязальную машину, освоили вязание детских вещей. Взяли образцы кроя в Доме быта, и, поверте, вещи получаются теплые и красивые. Наверное, есть села, где ничего детского не достать. Опубликуйте наш адрес — возможно, найдутся желающие к нам обратиться.

Владимир НАУМЕНКО,
652606, Кемеровская область,
г. Белово-6, ул. Фурманова, 3.

Я одна воспитываю шестнадцатилетнего сына. А так хочется иметь еще и дочь! Может, где-то живет одинокий пapa, воспитывающий дочку? Хорошо бы, чтоб у него были еще и отец с матерью. Своих у нас никого нет, ни родителей, ни дедушек с бабушкой. Завидую большими семьям...

Людмила С.,
Удмуртская АССР.

ОТ РЕДАКЦИИ. Подробный адрес Людмилы вы сможете узнать, написав в «Крестьянку».

Одним не справиться

Мы с мужем решили стать арендаторами. Облюбовали заброшенную деревню. Рядом лес, два озера, оба — с рыбой. Утром встанешь — красота! Арендовали помещения для выращивания телят. Приступили к работе, дело пошло, но вскоре поняли, что одним нам не справиться, хотя колхоз и оказывает поддержку. Товарищи, кто хочет стать арендаторами — приезжайте к нам! Есть свободные дома, до центральной усадьбы пятнадцать километров.

Семья ХОРОШИЛОВЫХ,
396700, Воронежская область,
ст. Митрофановка, с. Ивановка.

Дорогие наши читатели!

Мы знаем, что вы недовольны: в последнее время журнал хронически опаздывает. Поверьте, в этом нет нашей вины. Тяжелая ситуация с нехваткой бумаги коснулась многих изданий, в том числе и «Крестьянку». Издательство даже не может гарантировать того, что очередные 11-й и 12-й номера удастся отпечатать во время.

Надеемся, что кризис будет преодолен и вы, как всегда, станете получать ваш журнал в положенный срок. А пока — потерпите. И простите нас.

Ваша «КРЕСТЬЯНКА»

СЛУЖБА НАДЕЖДЫ

И агроном, и архитектор

Совхоз имени Ильи распо-ложен на юге Рязанчины. У нас в хозяйстве не хватает около двухсот рабочих и спе-циалистов. Нужны главный агроном, главный зоотехник, главный инженер, энергетик, управляющие отделениями, бригадиры, звеньевые, механики, механизаторы, слесари, мото-ристы, полеводы, дюроки и многие другие. С готовно-стью примем архитектора, спе-циалиста по дизайну, художни-ка, музыканта, тренера. В хо-зяйстве есть неплохое жилье. Тем, кто пожелает, поможем восстановить брошенные кре-стяинские дома, обзавестись хозяйством. Пишите нам: 390000, Рязанская область, Михайловский район, совхоз имени Ильи, директору Ра-фаэлю Исмаиловичу Акчурину.

Не пожалеете!

Товарищи руководители хо-зяйства! Кому нужны инициа-тивные, работящие люди? Нас двадцать семь, мы владеем мно-гими специальностями. Могли бы организовать само-стоятельный строительный отряд, а наши жены будут ра-ботать там, где необходимо колхозу или совхозу.

А. БУГАЙ,
663309, Красноярский край,
г. Норильск,
ул. Хантайская, 9, кв. 27.

ЖИВИ И ПОМНИ

В запыленной связке старых писем...

в этой старой, по-трепанной сумке — жизнь и судьба целой семьи, возможность прикоснуться к прошлому, ощутить связь времен.

История страны складывается из историй отдель-

ных людей. Собрать, сохра-нить память о самых обыкно-венных и в то же время не-обыкновенных, неповторимых своих соотечественниках, их документы, воспоминания, письма, которые, как правило, не попадают на хранение в го-сударственные хранилища, — вот главная задача нашего «Народного архива». Он воз-ник в Москве чуть больше года тому назад по инициативе пре-подавателей и студентов Исто-рико-архивного института. Его проект был отобран из тысячи других инициативных проек-тов, рассмотренных междуна-родным фондом «Культурная инициатива». Архив собирает семейные архивы граждан, за-писывает на пленку воспоми-нания людей о своей жизни, о событиях, свидетелями или участниками которых они были. Ценный источник изуче-ния жизни народа — письма, которые приходят в редакции газет и журналов. Обычно по-сле непродолжительного хра-нения они уничтожаются. По договоренности с редакциями

крупнейших газет и журналов, в том числе и с «Крестьян-кой», сейчас эти письма посту-пают в наш отдел писем.

Есть еще один отдел: нефор-мальных организаций. Там со-бирают материалы по истории современного неформального движения, начиная с документов правозащитного движения 60—70-х годов и кончая материа-лами сегодняшних многочис-ленных объединений и орга-низаций общественно-поли-тического, культурно-просве-тительского, экологического, религиозного характера.

Этим летом на ВДНХ была организована выставка «Оживи-шие архивы». В ней впервые, кроме государственных храни-лищ, участвовали созданные как общественные организа-ции «Мемориал» и «Народный архив».

Мы представили на выстав-ке личные фотографии, воспо-минания, дневники, перепи-ску — 420 документов, из кото-рых 300 — подлинники.

К сожалению, у нас утраче-ны традиции создания и хра-нения личных семейных архи-вив. Интерес этому только пробуждается. И выставками, и выступлениями в печати мы хотим заставить людей при-стальнее взглянуться в свое прошлое, осмысливать его, осо-знать, что забвение корней своих порождает бездухов-ность, о которой мы так много сейчас говорим.

«Народный архив» обращается ко всем читателям «Кре-стяинки»: пожалуйста, присы-лайте нам воспоминания, фо-тографии, письма, документы. Наш адрес: 103012, Москва, ул. 25 Октября, д. 11.

Г. ПОПОВА,

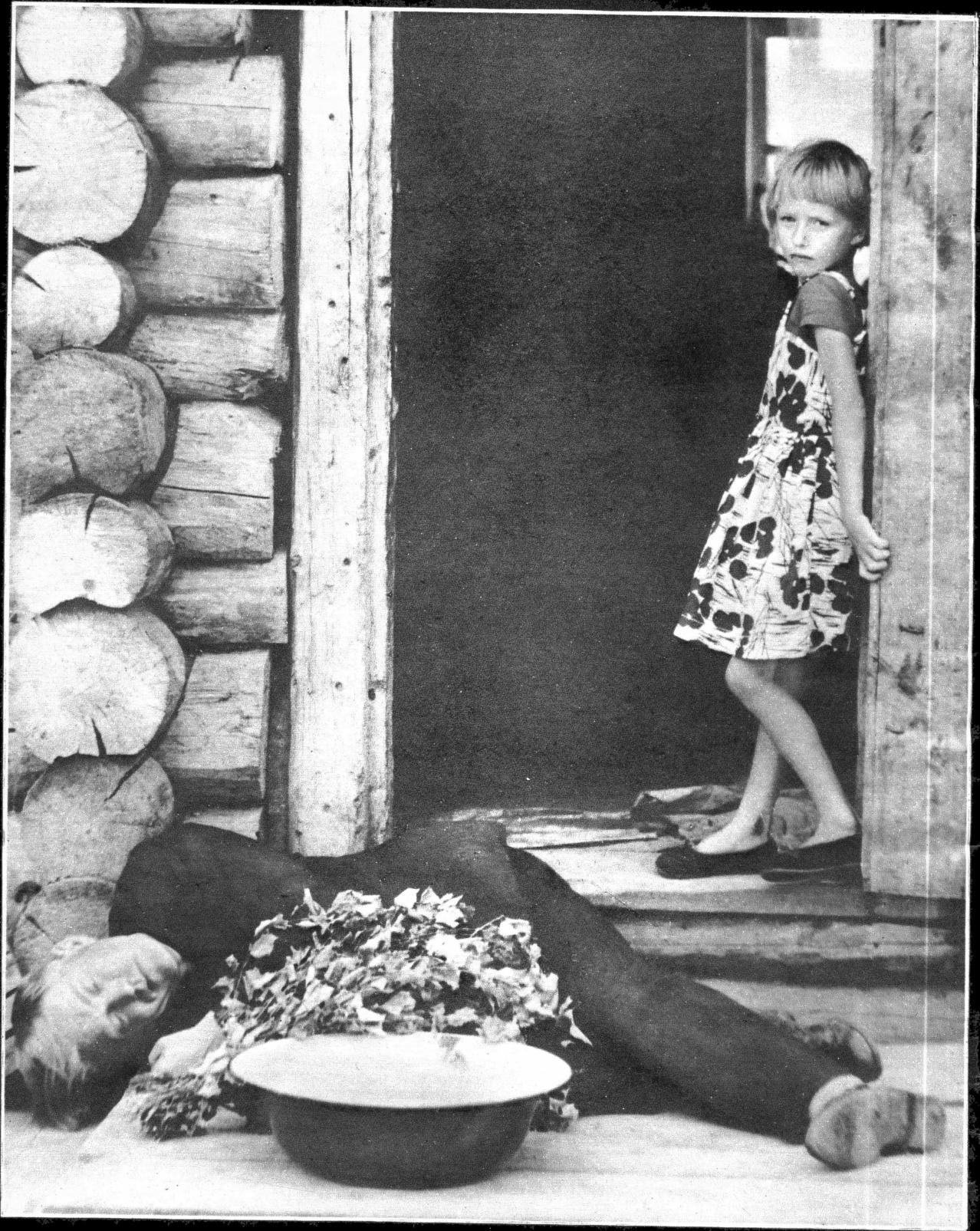
главный хранитель архива.

Хочу найти маму

Прошу, помогите найти мамочку. Мне было всего два года, когда меня у нее забрали в детский дом города Мценска. Наверное, она не очень хорошо меня воспи-тывала. Я, конечно, ничего не помню — кроме того, что перед отъездом меня фотографировали на стульчике. Я уже замужем, но не оставляю надежды найти маму. Место моего рождения: Владимирская область, Судо-горский район, п. Головино. Маму зовут Галина Арка-дьевна Никитина.

Лариса Петровна ДОРОНИНА,
303220, Орловская область, Троснянский
район, д. Каменец.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!
НЕ ЗАБУДЬТЕ,
ОТПРАВЛЯ
ОТКЛИКИ
НА ПИСЬМА
НАШЕЙ РУБРИКИ,
НАПИСАТЬ
НА КОНВЕРТЕ:
«ПОЧТОВОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
«КРЕСТЬЯНКА».

Снимок прислал на наш фотоконкурс
И. ГНЕВАШЕВ.

Погоревшая все отрицает

Девчонка Виктора не любила. Только возникал он на пороге — приходил он не званым гостем, а как придется, иной раз и среди ночи, — ее как ветром сдувало. Мать выговаривала ей робко: «Ты бы хоть поздоровалась, дядя Витя пришел». Дочь глядела на мать насмешливо и ничего не отвечала. «Дядя Витя» два года, как армию отслужил, гонял с ее ровесниками на мотоцикле, а матери за сорок перевалило. Отца своего Надя не знала, был он заезжий, покрутился с год в их деревне и скончался. По матери же, Анне Васильевне Золотовой, половина деревни Дубки выходила Наде родней. Ее жалели, привозили подарки из Москвы, но она была к родне равнодушна. Двое их на свете с матерью, и никто им больше не нужен, нечего их жалеть...»

«Доченька, — говорила ей мать ласково, — садись, я тебя кружево плести научу». «А ты разве умеешь? А теперь разве плетут? Теперь макраме плетут, ну уж ладно», — соглашалась дочь, до смерти радаясь, что мать оставила свою какую-то очень далекую думу и обернулась лицом к ней.

Больше всего она боялась, что они с матерью на деревне хуже всех. Была пьющая Степанна, прозванная так по покойному мужу, пьяница Степану. Была Маша Алферова, у нее четверых детям забрали в детдом, огород зарос бурьяном, и сажала она лоскуток картошки в палисаднике, где у всех людей сирень и малина. Были путаные семьи, были одинокие женщины в возрасте, к которым ходили ребята, потому что невесты уезжали из Дубков навсегда. Было, было кого осуждать и над кем смеяться, но Надя подозревала, что мать считают совсем прошайкой.

Самые последние новости о грядущем подорожании всех в деревне встрепенули — всех, кроме матери. Когда дочь стала ее допрашивать, чем они будут корову кормить, если бу-

два ли не всякий, если захочет, может углядеть крен в чужой судьбе. Со своей собственной бывает труднее. Кажется, идешь по ровному и камень, о который споткнулась, не заметишь, а вот упала, вот уж топчут тебя... Больно и нестерпимо. Особенно если топчет человек, которого совсем недавно считала самым близким, на которого надеялась, с которым связывала всю свою теперешнюю и будущую жизнь. Почему? За что? Поломала свою гордость, гонясь за толикой женского счастья, а получилось, что отдала душу на поругание, жизнь — на разорение... Может быть, об этом моя история. Имена ее участников пришло изменить, потому что следствие по делу еще не закончено, суд еще предстоит. Но никаких особых загадок в деле нет: обвиняемый признался, доказательства есть, свидетели имеются.

Странно лишь одно — потерпевшая все отрицает...

ханка хлеба по рублю станет, та только отмахнулась: «Смешная ты, чего тебе об этом печальтесь». А ведь даже самый старый на деревне дед Василий рассуждал об этом на ходде, и народ его внимательно слушал.

— Если я хлеба своей корове не дам, — говорил дед, — она от меня в лес уйдет. На кой, скажет, ты мне, дед, нужен, я на лугу травки пощиплю, из лужки водички попью, без тебя проживу. Эх, разлучают меня либералы с моей Нарядкой. Им что...

Люди в Дубках волновались. Одни говорили, что теперь город поплачет, а деревенские своей картошечкой проживут, другие уверяли, что теперь деревне конец, потому что конец скотине, на одной травке она не протянет, а кормов нет, третья хмуро помалкивали, что-то про себя смекая. Лишь одна мать ни о чем не тревожилась. Когда все кинулись в райцентр скупать что ни попадя, она и не пошевелилась.

— У нас занавески старые, забор некрашен, ведро на колодце худое, — выговаривала ей дочь, зная, что соседи накупили и краски, и ведер, и последнего дешевого ситчику.

Мать только вздохнула:

— На весь век не накупишься.

За это и любила ее Надя, за то и сердилась на нее, что там, где другой своего не упустит,

мать всегда упустит и не вспомнит о том. Обидеть ее легче легкого.

Всякий раз, как Витяка открывал их калитку и мать прежде двери кидалась к зеркалу, дочь пронзали самые странные мысли: поступить в мореходку, разыскать отца, уйти, куда глаза глядят, немедленно!

Видела это Анна Васильевна? Видела, знала, плакала тайком. Но что было ей делать, женщине, однажды обманутой и брошенной, не знавшей счастья? Впустить любого или ждать любимого и любящего? А кого дождешься в деревне, отстоящей за двадцать километров от железнодорожной станции, где поезд останавливается ровно на полминуты... И однажды вошел Витяка, а впустив парня, грубоватого, нагловатого, самодовольного, полюбила его Анна Васильевна. Ведь надо было ей кого-то любить, ждать, голубить!

...Среди ночи дребезжал их сладенький замок, мать вскакивала открывать, по летней кухне громыхали Витякины сапоги. «Пусти в дом», — слышала она. — «Ни за что. Там девчонка спит!». — «Тогда здесь наливай». — «Только за тем и ходишь», — то ли слышала, то ли угадывала она по материнскому шепоту. «Ты мне сейчас не перечь. Сначала налей, потом разговоры говорить будем».

Трезвый Виктор, завидев дочь Анны Васильевны, немногого смущался. «Садись, злючка, прокачу. Хочешь — на мотоцикле, хочешь — на лесовозе». Но Надя словно бы и не слышала. «Крышу бы железом покрыл, черт здоровый, — злилась про себя. — К другим ходят, хоть прок есть».

От Витяки проку в доме не было, Анна Васильевна ни о чем его и не просила. Что будет завтра, старалась не думать. Все надеялась, что сладится у них по-человечески. Но что-то не ладилось.

Однажды Надя подслушала вещь, какую бы ей вовсе не слышать. Он опять прикатил ночью, жаловался, что с лесовоза грозят уволить, пил самогонку, хмелел, добрел, и вдруг какой-то чужой, не материнский голос сказал: «Может, я бы ребеночка тебе родила. Я еще не старая, Витя. Жить бы стали, как люди...»

«Ребеночка, значит, братика», — сообразила Надя и дико обрадовалась. А потом услышала: «Ты об этом думать забудь. Я к тебе со своей бедой, как к человеку, а ты ребеночка...»

«Ненавижу», — отворачивалась Надя, завидев Витякин лесовоз или мотоцикл. А мать как ни в чем не бывало пускала его в дом, поила-кормила, даже скрыть своей радости не могла.

Что чувствует женщина, ко-

гда попирают ее достоинство, отвергают любовь? Несчастна была Анна Васильевна. Думала иногда с византийской ясностью: «Мотоцикл свой, и тот бережет, а я ему хуже железки». И все-таки радовалась, когда он приходил, все-таки надеялась: приучит мужика, привыкнет, сладится. Того не хотела знать, что чем дальше она прощает и терпит, тем больше он наглеет. Губила свою с дочкой жизнь, унижала свое сердце и все терпела...

В ту субботу Витька написала где-то уже с утра. С ласковоза его накануне уволили. «За правду!» — божился он, но вся деревня знала: за пьяницу. «Нюрка! — закричал прямо с улицы. — Выставляй все, что есть, гуляю на прощание!»

Надя полола в огороде морковь. Услышав крик, она вдруг перепугалась — внешне ничего страшного в пьяном Витьке не было: не рваный, не битый, но словно с неба свалившийся, как тяжелый камень.

«Опять выставляй!», — подумала она, как взрослая. Не будь самогонки в доме, не было бы ни Витьки, ни разора в жизни. Это дочь твердо знала. А мать, сама почти непьющая, все гнала для чых-то нужд да по чым-то просыбам, и, как назло, чистую, лучше покупной. Вот и сейчас в дровяном сарае, прикрытые ветошью, стояли три поллитровки и большая бутыль. Это тетя Валя нанесла загодя сахару и дрожжей, просила нагнать на тридцать человек, на год памяти дяди, и от Виктора склонить. Девчонка грешным делом подумала, что, выпей Витька всю поминальную самогонку, непременно бы помер. Но он удовлетворился бутылкой, молча вынесенной матерью, и убрался с глаз.

Утро тянулось медленно, солнечно. Ее искали комары, полоть надоело. Вот же устроен белый свет: где росток чистого растения, непременно и мокрец, и осот, и гусиная лапка, и даже лопух пропиваются. Нет бы лопухи росли отдельно, своей компанией, и к моркови не цеплялись. С такой ленивой летней мыслью Надя с удовольствием разогнулась.

Звякнула калитка. По дрожке к дому шел Виктор, с виду спокойный, но словно

одеревеневший. Девчонка вскочила.

— А матери нет, она к тете пошла.

— Врешь ты все, — сказал Витька и отстранил ее с дороги, как стул.

Сначала в доме был невнятный разговор, потом шум, что-то упало, и тогда уже крик:

— Всю ночь у тебя свет горел, люди видели, кому нагнала-то? Выноси или сейчас весь дом переверни!

И снова что-то упало, мать вскрикнула. Не долго думая, Надя влетела в комнату. Оба они стояли встрепанные, красивые, в руке у Витьки была кочерга.

— Уди, Надя, — взмолилась мать, — и дядя Витя сейчас уйдет.

Витька оторопело посмотрел на девчонку, швырнул к печи кочергу и вышел в дверь.

Мать заплакала. Надя не знала, что сказать, и тоже заплакала.

— Он ведь хороший, когда трезвый, — всхлипнула мать. — Дров обещал нам привезти.

— На чем, его ж уволили, — в ответ всхлипнула девчонка.

— Он раньше обещал.

— А ты и поверила.

— А он и наколоть обещал.

— Врет он все, — не сдавалась девчонка.

— Что ж он, не человек? — сквозь слезы вздыхала мать.

— А что он с кочергой? — ревела Надя. Так они лили слезы посреди бела дня.

— Ну, ладно, — сказала мать неожиданно будничным тоном, словно опомнилась. — Сходи в Горюховку, отнеси бабуле поесть.

Всем семь километров до Горюховки, обезлюдевшей деревни, где доживала свой век их дальняя родственница, девчонка шла лесом. Лес был еще пуст — ни ягод, ни грибов, и потому шла она быстро. Ноша была легкой — две буханки хлеба и горшочек масла. Уж и старые женщины в деревне не сбивали масла, а на мать иногда находило. Горшочек был маленький, но увесистый — бабуле на пол-лета хватит...

Эта всеми позабытая бабуля по дому уж еле ползала, но рассудка не потеряла, в имениях не путалась и на лица не

обознавалась. Девчонка нанесла ей воды на неделю, села было пить чай и вдруг подхватилась: что там дома?

— Нюру благодари, — сказала ей бабуля на прощание. — Вам только и жива.

Домой Надя почти бежала, но на полдороге успокоилась. Июньский лес был так светлый, беспечальный, что ни во что плохое не верилось, даже в то, что умрет когда-нибудь деревня бабуля. Девчонка так замечталась, что не заметила, как промахнула поддеревни, прошла половину своей улицы, — и тут вдруг очнулась.

В субботний вечер на улице не было ни души, задним умом она сообразила, что шла по пустой деревне — ни гармониста Вани на лавочке, ни девчонок возле клуба. Зато в конце улицы, как раз на их стороне, как раз около их дома, толпился народ. Что-то странное поразило Надю: не было черемухи. Не было ни черемухи, ни серых черепиц крыши, ни самого дома...

К Наде бросилась из толпы тетя Валя:

— Мать на «Скорой» увезли, ты только не плачь! — Девчонка заозиралась вокруг и увидела притихших, виноватых людей. «Всей деревней тушили», — причитала тетя Валя. — Пожарники как раз к концу подоспели. А мать сразу вынесли, еще стены не рухнули, она без памяти была. И коровка сгорела, и баня, и сад, — ссыпалась она без разбора. — А Витька первым прибег тушить. Да только люди видели: улицу он с леса обежал, тын у Степаны в заборе выломал и бежит, словно от своего дома. А люди видели... Пойдем, я тебя молоком напою, чего тут стоять... Даст Бог, мать выживет».

... Витьку взяли на следующее утро. Через день от участкового милиционера, что был в районной прокуратуре, вся деревня знала, как было дело. Отправился Витька недолго. Дошли следователь, накануне бывший на пожаре, сам нарисовал ему картину преступления: пришел за самогоном, а Анна Васильевна не дала, стал бить ее, а она не кричала, стеснялась людей звать. Тогда привязал ее к кровати толстым проводом — обрывки провода у нее на щеколотке остались —

и стал грозиться поджечь. А потом и вправду поджег — нашел на летней кухне бак с керосином, облил кровать и бросил спичку. Сам убежал в лес, затаялся, да вдруг понял, что натворил. Обежал улицу с леса и первым прибежал на пожар, когда еще только полыхало, влез в окно, в дверь было уже не войти, отвязал провод, а тут уже и люди набежали — помогли вытащить. А как вытащили, положили бесчувственную Анну Васильевну на дорогу, Витька с глаз людских исчез...

Подписал он протокол без слова возражения, так что следователь даже вздохнул: пока там столица гоняется за мафией, разгадывают сложные ходы преступников, у них все по старинке: написал — убил, написал — поджег...

Однако в деревне так не думали. И старые люди не могли припомнить такого, чтобы привязывать живого человека и поджигать вместе с домом. Витькина мать кричала, что сама Нюра его спасала, тем до тюрьмы и довела, но ей не сочувствовали. Вспоминали об Анне Васильевне только хорошее: как бабулью в Горюховке не бросает, как по весне всей улице свою помидорную рассаду раздает... Жалели Надю, которая вот-вот могла остаться сиротой, — Анна Васильевна в районной больнице в сознание все не приходила. Когда же очнулась на пятый день, сказала, что ничего не помнит, видно, угорела, когда печьтопила, а отчего пожар, не знает. Так появились у следователя сложности, о которых он вздыхал, — жертва отрицала сам факт преступления.

Когда Анну Васильевну перевели из реанимации в обычную палату, дочку наконец к ней пустили. Мать, перебинтованная с головы до пят, смотрела на нее ласково и внимательно. «Жалеешь его?» — спросила Надя на прощание. Мать ничего не ответила, отвернулась к стенке.

В Дубках Анну Васильевну скорее жалеют, чем осуждают. Больше того, говорят соседи о случившемся словно пришибленные собственной виной, не до конца самими понятой. В чем она? В той ли жизни, где нет жгучего стыда уже ни за что и можно пить не только в праздники, но и будням, гоголем ходить по деревне? Или в том безразличии, с которым окружающие взирают на беспорядок в чужой судьбе?.. Татьяна ШОХИНА

Расул ГАМЗАТОВ

* * *

Поэтом не был я,

когда с вершины
Твое влюбленно имя прошептал.
И песнею с той памятной годины
Оно слывет, уплыв за перевал.

Изречь немало,

сделавшись поэтом,
Напевных слов мне было суждено,
Но не твои ли имя в мире этом
Есть лучшее, что мной изречено?

МОЛИТВА ЛЮБВИ

Пускай любовь, небес касаясь,
Из женщин делает богинь.
Пускай горит огню на зависть
И сложит песню вновь. Аминь!

Пусть, вознеся нас, заарканит
Она, как горная града.

Пусть взрослой в мыслях
юность станет,
А старость в чувствах — молодая.

Пускай роднит нас с небосклоном,
Но из-за облачных пустынь
К земным нас возвращает женам
В объятья райские. Аминь!

Пускай любовь царит меж нами,
Храня от бед, как амулет,
Где есть она —
меж племенами
И меж людьми раздора нет.

Пусть сквозь сиреневую дымку
Прольется свет медовых дынь,
И пусть влюбленные в обнимку
Уединяются. Аминь!

Пускай, как с первых дней ведется,
И завещалось неспроста,
В любви мужчина не клянется,
Клянутся лживые уста.

Пусть не считает ран сердечных
Она — владелица святыни,
Удерживая подопечных
В отставку уходить. Аминь!

РИСУЮ ТВОЙ ПОРТРЕТ

Позволь — твой образ я изображу,
Не станет лгать мой карандаш бывалый.
В твоем лице и черточкою малой
Я смолоду поныне дорожу.

Но чувствую: бессилен я.

Могу ль
Изобразить уста, чье звездно слово,
Или глаза, с которыми не ново
Мне сравнивать в горах глаза косуль?

И карандаш мой,

что за благодать,
Вздыхая, отстраняю то и дело.
Не для того ли серьги ты надела,
Чтоб бирюзу собою украшать?

И сизошла ты в мой земной напев,
Родившись не в божественном огне ли?
Как снежный вихрь,

я был вчера во гневе,
Но ты явилась — и растаял гнев.

Художник бедный,

думаю, любя,
Что написать гораздо будет проще
Мне вешний луг и свет в осенней
роща —
Они всегда похожи на тебя.

О ЖЕНЩИНАХ ДУША МОЯ СКОРБИТ

Я не ханжа,

но грустно мне, не скрою,
Становится, мориду * трех времен,
Когда мои приятели порою
Уходят к молодым от старых жен.

И хоть любовь, подобная недугу,
Сражать способна нас во все годы,
Мужчина должен верную подругу
Не оставлять, как лебедь, никогда.

— Любовь и страсть
ужели ты прославил,
Мой старый друг, поэт и грамотей,
Когда не просто женщину оставил,
А мать оставил собственных детей?

Ах, не она ли, словно добрый гений,
Тебя спасала в дни житейских гроз?
Боль утишавшей всех своих ранений
Ты рану вероломную нанес.

Забыл ли, как пред девушкой
беспечной,
Боясь отказа,
не вставал с колен,

* Морид — воин.

Рис. Е. БОРИСОВОЙ.

Когда ей клялся в преданности вечной,
Еще правдив, безвестен и блажен.

Чтоб пред тобою звезды не потухли,
Она тебе старалась не мешать
И всякий раз снимала в доме туфли,
Когда стихи садился ты писать.

И в тень ушла,
а ты вознесся шумно,
Тебя ласкала праздная молва.
От модной ли известности
безумно
Твоя вдруг закружилась голова?

Мужское ли щеславье виновато
В том, что, седой поклонник юных роз,
Боль утишавшей
ран твоих когда-то
Ты рану вероломную нанес?

Но знаю,
не озлобившись бедою,
Она тебе желает одного:
Чтоб не были ты покинут молодою
И не стубил таланта своего.

И зазвучал в ответ земного сплава
Суровый голос,
совестливо тих:
— Почто небес присваиваешь право?
Кто ты такой, чтобы судить других?

Я не сужу.
Иной мне долг завещан,
Смятенья и тревоги полон дух.
Прильнул к перу я
как заступник женщин
И о судьбе их размышил я вслух.

Летят домой иль отлетают птицы,
О женщинах душа моя скорбит.
И видится мне Вешенской станицы
Казак, что в целом мире знаменит.

Почуяв с жизнью вечную разлуку,
Он благодарно, в горьком полуслне,
Губами холодеющими руку
Поцеловал единственной жене.

Перевел с аварского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

Ждала жена мужа..

О чём фермер мечтает? О пресс-подборщике.

Если только посыпят ему пресс-подборщик, как посыпали Володе, — это праздник. Это пусть маленькая, но победа, и рассказ о ней смахивает на сводки с театра военных действий.

Тяжко фермерскому хозяйству без пресс-подборщика. Это Надежда знает по прошлым сенокосам. Когда на восемнадцать, теперь уже собственных, коров надо было заготавливать сено. И не какое-нибудь, а хорошее. И сделать это не по рукоюющим прогнозам типа: «сиди-сиди», потом «давай-давай», то есть с Троицы и до Покрова, — а по собственным наблюдениям и заметкам отца: он в прошлом году на все про все выделил неделю. Сначала родичи засталились, в том числе и Воробьев, первый секретарь райкома партии. Но это он там, в райкомовском кабинете, первый. Тут, в деревне, Воробьев всего лишь Николай — муж старшей Надеждиной сестры. А если кто из стариков рассерчает, то и вообще Колька. Одним словом, как бы ни артачились, отец сказал, как отрезал, — неделя. Последнее сено (подборщик в совхозе выпросили с грехом пополам) заканчивали убирать уже ночью. Уложили последние кипы, и потянуло нелетним холодком, воздух набух, отсыпал, отяжелел, зарядили обложенные дожди чуть ли не на все оставшееся лето.

Сегодня сразу после утренней дойки Надежда отправила мужа Володю добывать пресс-подборщик: пора уж! Уехал он в Пыталово на целый день, а жена вот мается. Скажи ей кто лет пять назад, что будет так переживать из-за какого-то пресса, — долго бы смеялась. Это теперь понятно, что дело-то, собственно, в другом —

в том, что обрела Надежда дом и дрожит за него.

У всякой женщины в душе, наверное, есть образ своего дома, где радующие сердце дети и заботливый, надежный муж. Где все как надо, как хочется. Но многие ли имеют такой дом? Не было его и у Надежды Тарасовой, в девичестве Киселевой. А ведь старания, воли, терпения было хоть отбавляй, и карьера, можно сказать, складывалась наилучшим образом. После института недолго проработала она в родном Чернолесье, в той школе, которую сама окончила. «Забрали» ее в Пыталово секретарем райкома комсомола, вскоре и первым секретарем стала. А это не только власть, пусть маленькая, но, извините, квартира, уровень общения. Потом перешла в райком партии. С первым мужем тогда уже развелась, по этой причине партийная карьера Надежде «не светила». И она перешла в редакцию районной газеты, работала в отделе партийной жизни.

Так что все у нее было, что может дать районный город. Кроме счастья. Но таких претензий Надежда себе и не позволяла. Хотя к своим тридцати двум годам не могла не видеть трезво: вот пробилась она в жизни. И что, теперь так всегда будет? И больше ничего? Иришка будет расти, а она, Надежда, стариться?

И когда в ее жизни появился Володя, повесила себя Надежда на первый взгляд совсем нерационально. Общее мнение было, что не за ровнь вышла Надежда: моложе ее парень да и без высшего образования. И нет бы его наверх тянуть, помочь ему расти — так сама все завоеванное в жизни бросила, уехала в деревню фермершей.

Но не для того Надежда во второй раз замуж выходила, чтобы уличное сарафанное радио слушать, тем более что жизнь ее не только била, но и учила. Не свидетельство о браке взяла она в свои руки, а мужчину судьбу. Посмотрела, как в сказочное блюдо, и поняла: Володя честолюбив, роль механизатора в заходной городской ПМК для него не предел мечтаний. И не стала она поэтому перечить разговорам о фермерстве, а стала по-своему направлять их. Удастся новое дело Володе, почувствует он себя за хозяйство да за семью ответчиком — и ничто их семейный корабль не потопит.

Разве не то для женщины надо, чтобы утром, идя на ферму, обсуждать с мужем: продержится ли у власти на Филиппинах Карасон Акино или очередной переворот будет последним? И на каком году реструктуризация исчезнет дефицит — или станет дефицитом все? И хватит ли нынче в районе коров на зимовку (у них-то хватит)? А зато на обратном пути говорить только об одном: телочку корова родила, она рябенькая и на лбу у нее звездочка, и как этому детям обращаются и особенно сыновья трехлетний — Женечка!

Разве не то счастье, чтобы всей семьей долгими зимними днями, когда фермер временем шикует, рисовать разные варианты, проекты будущего дома?

Или разве не улыбнется сердце, когда с поля трактор приходит, и Женечка, на колдобинах и кочках в трясучке спавший, навстречу ма-

минным рукам просыпается?

Она Ксюшей забеременила. А сынок все интересовался, почему мама стала толстая. Узнал, что внутри ее сестренка Ксюшенка растет. Так стал пинетки, которые Иришка для маленького связала, матери за ворот платья запихивать, приговаривая: «Пусть Ксюшенка поносит! Пусть ее ножкам тепло будет!»

И еще за Иришку радостно: как она Женечку полюбила, как с Ксюшей нянчиться любит. А могла бы так и вырасти на развалинах первого брака — без братьев и сестер.

Женечка, «хвермер», по его собственному признанию, тем удивляет домашних, что все его игры — на темы сельского хозяйства. В очередной приезд Воробьева к деревенской родне Женя взял и предложил ему:

— Давай менять твою «Волгу» на корову.

— Маловато коровы за «Волгу», — попытался отшутиться Николай Николаевич.

— Свинью бери в придачу, — не унимался молодой хозяин, — соглашен?

Под дружный хохот всего семейства ударили по рукам. И готовы были забыть ту сцену. Но не тут-то было.

— Пошли! — скомандовал «хвермер» первому секретарю райкома.

— Куда? — удивился тот.

— Корову выбирать! Обмен насилия удалось отсрочить...

Строго говоря, Надеждин дом и не дом вовсе. Так, по здешним меркам, домишко. Изба спавший, сени, если уж быть со-

всем точным. Да к тому же с «удобствами во дворе», что для избалованной городской цивилизацией женщины само по себе маленькая трагедия. Сени в доме не рубленые, а дощатые, холодные. Потолки низкие, на каждой стене по нескольку окошек. Но зато комнаток, хоть и маленьких, три. Есть своя у старшей дочери — Иришки. Есть гостиная, где собирается вся семья. Во всех трех, конечно, полностью властвует Женечка. И по всем трем путешествует на Надеждинских руках или под присмотром добровольных нянь Ксюша. Однако есть у дома неоспоримое достоинство: сухой подвал, где в любую зиму одинаково хорошо хранятся домашние припасы.

Да, собственно говоря, этот дом вроде как их, а вроде как и не их. Нет-нет, с документами все в порядке. Дом этот, брошенный прежними хозяевами, купили Володя Тарасов, Надеждин муж с приятелем, когда еще только начинали свою эпопею арендаторами в совхозе «Светоч». И если кому доводилось видеть, как ласточки приводят в порядок гнездо после возвращения из далеких странствий, тот может представить, с какой любовью Тарасовы привели в порядок это брошенное жилье. Потолки засверкали непривычной для деревни эмалевой белизной. Пол покрыл мягкий линолеум. В дверных проемах поместились гимнастические снаряды. Стены оделись в обои светлых тонов.

Тут же, рядом с домом, вся наличная тя-

говая сила: подержанная грузовая машина, удачно купленная после того, как лопнула научная лаборатория в соседнем районе, где у Володи работал приятель, МТЗ, арендаемый пока в совхозе, собственный новенький Т-25, а также трактор типа «самоходное шасси» — старенький, но самый любимый Володей и самий, на него взгляди, удобный в крестьянском хозяйстве.

Быстро мысли текут, незаметно бежит время. Кажется, только что Володя в город проводили, а на пороге уже гость — отец.

И первый вопрос вроде ни для чего:

— А что, Володя уже уехал?

— Ты разве не видел?

— Просмотрел, реченько, значит. Ну что же, если с прессом вернется, окончательно разбогатеете. Раскулачивание, оно аккурат с таких, как вы, и начнется...

Надежда молчит. Если правду говорят, что в тихом омуте водятся черти, то в ее омуте живет лукавый чертенок. Умеет молчать, умеет терпеть, умеет достигать цели — шаг за шагом. Тихим упорством добивалась она всего в жизни. Так неужели отцовские подначки не стерпит, тем более что за ними лишь родительская боль и страх. У одних людей любовь такая, что за детей боятся, у других — такая, что детьми гордятся. Старшим Киселевым есть чем гордиться: хозяйство фермерское у дочери с зятем не последнее в районе — 75 гектаров земли в личном пользовании. Есть и пустыри, и неудобицы, есть и мелиорированные земли. Старая ферма взята у совхоза в аренду, но будет со временем своя, новая. Такая, как хочется. Такая, на которой не работается, а поется, хотя Володя и на этой развалиюне не прочь запеть от удовольствия.

Почему же отец, по советам которого ведут хозяйство дочка с зятем, помогающий им со знанием и энтузиазмом, — почему не гордится дочкой, а боится? Уж боль-

но глубоко, как рыбья кость в горле, сидит в нем давнее раскулачивание. Лишь за то крепкое киселевское хозяйство под нож пошло, что кругом горлопанистых бездельников было много и власть была в их руках. И дожили: пока брали деревню за горло, самих нужда до голода за горло взяли. Дед Надежды, отец ее отца, так в Сибири и сгинул. Сам отец работал в колхозе, и на хороших должностях, но, будучи по складу душевному и по воспитанию хозяином, он не стал им, и это всю жизнь его, видимо, угнетало. Сегодня он душу отводит на дочинском хозяйстве. Тем более что в 75 тарацовых гектарах вошла и та земля, которую возделывал раскулаченный Надеждин дед.

Не специально это вышло — просто умная, осторожная Надежда, когда Володя с другом стали арендаторами, посоветовала брать землю там, где живет отец. Арендаторы-то оба были городские, им крестьянский опыт очень нужен. Последним жителем в Чернолесье был Надеждин отец, когда переехали сюда сначала зять, а потом и дочь с внучкой. Но боится за них отец. Даже того боится, что первый секретарь райкома — их близкая родня. Вот и сейчас: пришел, чтобы предостеречь:

— Знаешь, сколько на прессы охотников? И ваш брат фермер, и любой совхоз с руками и ногами оторвет. Гляди, не пришлось бы Володе к Воробьеву идти. Он, наверное, поможет, но на каждый роток не найдешь платок, народ теперь злой.

Мудр отец, а потому и прав, в который раз уже Надя в этом убеждается. Но и этот камушек, в ее огород умело брошенный, не заметит она для виду, но, как заботливый садовник, потом уберет. Ведь не пеньть же отцу, не напоминать ему сейчас, с чего все начиналось. Ведь с него же или почти с него. В его, отцовой, бане парились зятья, прибыв в гости. А в па-

рилке для мужиков самый разговор, самые задушевные мечтания, самые главные споры. Вот тогда и заронил Воробьев в Володину душу мысль о переезде в деревню. Тот самый Николай Николаевич Воробьев, о котором идет слава как об одном из зачинателей арендного движения в сельском хозяйстве, как о крестном отце фермерства, тот самый — народный депутат СССР. Много чего добился для крестьян Воробьев. Эрудирован он, спору нет, но при этом чуток баламут, считает Надежда. Уж что-что, а увлече Воробьев умеет. Правда, и забыть потом вспыхах может. Он и увлекал мужчин в банковых дискуссиях идеями о фермерстве, крестьянской свободе. Отец-то первым и увлекся. В свое время развернулся не успел, так подался к зятю в закоперщики по части разных экспериментов. Как же не поддержать родню?

Для фермерства нужны в равной степени и надежда, и опора. Ведь в чем отличие того, кого в нашей деревне стали называть иноземным словом — фермер? В том, что он сам себе хозяин? Да. В том, что он собственник? Это как сказать. В том, что он рискует в ту пору, когда другие ничем рисковать не хотят? На все сто процентов. Но это отличие, не преимущество. Надя в свое время хорошо эту кухню изучила, да не по лицевой стороне — гладкого кружева, а по изнаночной, где сплошные узелки. И для того же Воробьева крепко запахло жареным, когда после весенних выборов (он блоттировался председателем районного Совета) оппозиция выставила своего соперника и повела серьезную атаку. Хотели свалить зарвавшегося, по их мнению, экспериментатора. Победил Воробьев, набрав ровно столько голосов, сколько нужно было для проходного минимума, и ни одним больше...

А если бы свалили его, кем бы он стал? Да фермером бы стал, ря-

дом с ними, на пустых землях. Не раз уже у него с языка срывалось. Заветная мысль?

Или просто бравирует «первый» модной темой? Одно Надежде ясно: родня родней, но, случись что с Воробьевым, фермеров в районе задавят. Вот почему те из них, кто всерьез задумывается о будущем, стараются обезопасить себя на этот случай. Берут землю в личное пользование, благо можно в этом районе (в других же районах области, где хозяйственники старой закалки засели, фермерам от ворот поворот). Вот почему открывают свои счета в банке, чтобы вести расчеты напрямую с государством, благо здесь позволено пока и это (но с каким трудомается, казалось бы, простая бумажная формальность). Вот почему выкупают в собственность скот, технику, которая для многих из них столь же дорога, сколь и дефицитна. Вот почему тряят на развитие хозяйств своих почти весь доход, сами покупают строительные материалы. А все равно живут с оглядкой на общественное мнение, которое все чаще именует их уже порядком подзашибтым словом — кулак.

А где кулаки, там, сама собой, подразумевается и раскулачивание. Живут фермеры, даже в этом районе, с оглядкой на власть. На ту, центральную, что законы принимает, и особенно на местную, которая взыскивает с граждан налоги, завтра и сменилась. Придет новый хозяин в район, объявит эксперимент с фермерством ошибкой. И те, кто сегодня ведет двойную игру, поддерживая с трибуны все формы собственности, а заботятся лишь об одной — о ничьей, живо примутся за дело...

Хоть не очень клеится сегодня разговор с отцом, чувствует Надежда, что не все сказал он еще, с чем пришел. Так и есть:

— Строители опять за дорогу принялись. Да только радости мало. Хоть вы и просили березы сохранить, фермерские заказы для генерального плана не указ. Ты насчет места для дома подумай все-таки,

пока цел дедов фундамент...

И на это ничего не возразит Надежда.

Ах, отец, будто не знает старый дипломат, что не перешшибешь плетью обуха. Жаль берез, всплакнет она над ними, но все равно стоять новому дому там, где и назначено: на взгорке, на солнцепеке, на новой дороге, которая не сегодня, так завтра зачерненет под окнами асфальтом. Ни за что не согласится Надежда запихать дом в низину, где будут его грунтовые воды одлевать. На сухом да на солнечном месте надо ставить его. И с таким расчетом, чтобы было потом место зятьям да невесткам рядышком гнездиться. Ставить дом с надеждой, а не с оглядкой.

Хоть и говорят, что женщина, мол, очень чувствительна и не очень рациональна, не поддается Надежда на уговоры отцовы — строить новый дом на фундаменте разоренного дедова. У нее в душе образ своего дома, Надежда его во сне и наяву видит. Она о детях думает, а не о дедах — пусть простит ее отец.

Ждала Надежда мужа из города, да пропустила. Сынок первым Володя увидел. И вот уже он на пригорке, где сверкает красной краской новенький пресс-подборщик. Не слышит Надежда разговоров мужа с сыном, но знает: спыляет вопросами Женечка как из рога изобилия. Ни одного не обойдет ответом Володя, ни в чем не оборвет первенца. И, глядя на сынишку, на запеленутую Ксюшу, вспоминает Надежда где-то прочитанную историю: нашли археологи при раскопках пролежавшие тысячи лет в глиняных амфорах зерно, посеяли. А оно взошло... Не такие ли зерна и они с Володей, не прорастают ли уже в детях безжалостно уничтожавшиеся долгие годы ростки...

Евгений САМУЙЛОВ
Пыталовский район,
Псковская область.

Фото Е. МАТВЕЕВА.